

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-9-82

УДК 1:3+1:93

ПОЛИТИКА ГЕНДЕРА МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И РЕПРЕССИЕЙ

Обухова Е.Н.

В статье рассматривается проблематика интерпретации взаимодействий феноменов гендерных отношений и власти в аспекте репрессивности. Вслед за современными исследователями гендера обосновывается ошибочность представления о гендере, как о чем-то онтологически зафиксированном, и он представляется в качестве объекта, который пригоден для рассмотрения исключительно в контексте властных отношений. Закрепление гендерной идентичности при этом предстает как возможное исключительно посредством социального давления, выражающегося в непосредственном репрессивном воздействии или в установках идеологической системы. Понятием Л. Альтюссера об интерпелляции предлагается разделить понимание репрессивности и идеологичности в отношении политики гендера. Тем самым открываются новые перспективы для анализа репрессивности в условиях данной проблематики.

Ключевые слова: гендер; интерпелляция; идентичность; репрессивность; субъектность.

POLITICS OF GENDER BETWEEN IDEOLOGY AND REPRESSION

Obukhova E.N.

The article deals with the problem of interpretation of interactions between phenomena of gender relations and authority from the point of view repressiveness.

After the modern researchers of gender, the article demonstrates that idea of ontologically fixed gender is incorrect, and gender appears to be an object suitable for analysis only in the context of authority relations. Fixation of gender identity turns to be as possible exclusively by the means of social oppression, expressing itself in direct repressive impact or in fundamental ideas of a given ideological system. L. Althusser's conception of interpellation is used to divide understandings of repressiveness and "ideologicalness" concerning politics of gender. That helps to show the new perspectives for the analysis of repressiveness in the context of the given problematic.

Keywords: gender; interpellation; identity; repressiveness; subjectivity.

Одно из принципиально новых изменений в философском понимании субъекта принесли различные представления в контексте гендерных теорий, начавших особенно интенсивно развиваться в прошлом столетии. Обсуждая проблему пола, они рассматривают феномены, укорененные в бытии, и очевидность которых, казалось бы, не может быть подвергнута сомнению. Однако выходя в пространство «по ту сторону» гендерной дихотомии, такие теоретики показывают вовсе не отнологичность, а социальную произведенность и постоянную производимость таких явлений, которые всегда считались прочно сцепленными как с «онтологией» как философской категорией, так и с мироустройством вообще: сознание, язык, физиология... На новой волне теоретических подходов (первоначально особенно бурно развивавшихся в контексте феминистских концепций, которые позже были поддержаны многочисленными ЛГБТ-активистами) возникли специфически гендерные интерпретации этих категорий как конструируемых в однозначном параллелизме с конструированием соответствующих идентичностей.

Наиболее радикальное изменение в понимании гендера (здесь – равно как и «пола» и «секса») происходит вслед за деконструктивистской критикой Жака Деррида [4], вскрывающего несимметричность объектов, возникающих в

результате бинарного оппозиционирования. Любая фундаментальная дихотомия сохраняет источник «логоса» в одной из оппозиций, придавая ей статус «лидера», «творца», «властителя» и т.п. и, в конечном счете, – «субъекта». В феминистской теории критика такого положения дел указывает на то, что субъект есть никто иной как мужчина (как некий обобщенный объект), способный выступать и как источник власти, и как вообще любой, кто может называться Другим [6, с. 100–160].

Однако дальнейший анализ выводит критику логоцентризма за рамки общераспространенного позитивистского идеала описания онтологии с точки зрения отстраненного наблюдателя, который якобы всегда инвариантен как относительно условий своих действий (наблюдений и их фиксаций), так и даже относительно собственной субъектности (без каких-либо последствий этот наблюдатель может быть заменен любым другим). Бинарное оппозиционирование как раз и представляется итогом усилий одной из описываемых противоположностей. Итак, властный / маскулинный субъект есть не что иное как субъект, постоянно проводящий различия, и в силу того, что он совершает его, именно он и является источником власти. Тем самым гендерные субъекты с точки зрения «возможности онтологии» оказываются чистыми фикциями: нет никакого гендера в онтологии, есть лишь гендер во властных (и только) отношениях. Здесь он выступает как нечто наподобие «суперпредмета» о котором говорил Жан Бодрийяр [2, с. 7]: «пакета» фактов, вещей, идентичностей, находящихся в строгой сопряженности друг с другом, каждый из которых обретает собственную полноту только в совокупности со всеми остальными. Пол как биологический феномен, безусловно, может строго исследоваться в рамках естественных наук, но в социальных науках и в социальных отношениях, в том числе и в отношениях власти, он отсутствует: его бытие полностью сконструировано практикой гендерных отношений.

Таким образом, как настаивают современные представители гендерной теории, нет додискурсивного гендера: находясь вне зависимости от

физиологических факторов, он полностью производим речью. Гендерное разделение, действующее вместе с различиями власти, обнаруживается во множестве лингвистических феноменов [12]. Этот статический аспект политики гендера – как он обнаруживается в языке – становится основанием для динамического в виде речевых практик.

Вслед за Джоном Остином представители различных областей гуманитарного знания указывают на то, что социальный опыт формируется в значительной мере посредством его дискурсивного закрепления [8]. Говоря о подобной фиксации, Остин, по-видимому, упустил непосредственно политический и даже репрессивный пласт речи, предполагая, что определенные речевые акты могут относиться к разряду ошибочных, тем не менее, требуя тщательного изучения. Приводя в качестве умозрительных иллюстраций ситуации «крещения пингвинов» или «венчания обезьян» [10, с. 32] он не обратил внимания на то, что подобные действия не имеют смысла в первую очередь из-за неперспективности подобных поступков в политическом разрезе. Перформативное навязывание подобных идентичностей не проводит различий, а значит, не выстраивает никакой иерархии, что в итоге делает подобную практику безрезультатной.

Из работ ряда современных исследователей следует, что такого рода называние существенно влияет на формирование идентичности лишь при условии его использования при регулярном повторении и в особенно чувствительные периоды жизни. Именно поэтому мальчик это «мальчик», а девочка – «девочка», в детском возрасте, когда критичность усвоения внешних ценностей минимальна. Вместе с тем подобное окливание должно повторяться регулярно, приводя к постепенной седиментации опыта [3, с. 325].

Дискурсивное закрепление идентичности происходит не только в речевом плане как чисто риторическом. Решающую роль здесь играет первичность одного из участников коммуникации, который представляется как субъект,

обладающий властью в силу того, что постоянно проводит различия, фиксирующие и закрепляющие иерархический порядок.

Говоря о таком сверхнормативном фиксировании субъекта, Луи Альтюссер вводит понятие «интерпелляция» [1]. Интерпелляция – это «политический оклик», трансформирующий *индивида* в *субъекта*. «Всякая идеология обращается к конкретным индивидуумам как к конкретным субъектам через функционирование категории субъекта», – считает Альтюссер [1]; важно отметить, для него важен не столько сам термин «субъект», сколько *перформативность* этого термина («Под категорией субъекта мы понимаем и его функционирование», – дополняет он [1]). Поясняя принцип такого явления, он приводит простое сравнение: «идеология “действует”, или “функционирует”, таким образом, что “вербует” субъектов в среде индивидуумов (она вербует их всех) или “трансформирует” индивидуумов в субъектов (она трансформирует их всех), то есть тем самым образом, который мы называем “обращением” (*l'interpellation*) и который можно себе представить в виде самого банального, ежедневного обращения полицейского (или кого-то другого): “Эй, вы, там!”» [1]. После этого индивид уже не может считать себя субъектом, пребывающим вне системы разделений. Как пишет Младен Долар, «интерпелляция основана на благополучном преобразовании доидеологического состояния в идеологию: по завершении процесса она уничтожает следы своего происхождения и вселяет веру в автономию и прозрачность субъекта для самого себя. Субъект трактуется как *causa sui* – эта иллюзия неизбежна, как только операция субъективации завершена» [5, с. 36]. И дискурсивное производство гендера показывает, что сращение этой, как говорит Доллар, иллюзии, с реальностью настолько тесна, что абсолютно все, связанное с полом, как правило, кажется естественным, и любое отклонение должно казаться пугающим как нарушающим субординацию жизненных функций [9], даже если речь всего лишь об отказе следовать явно

неустойчивым конвенциям, существующим, например, в рамках моды и модного поведения.

Вполне понятно, что источник интерпеллятивного запроса – это некий политический субъект. Но Альтюссер говорит, что можно провести дальнейшее различие, имея в виду некий негативный образ власти, а именно в виде репрессивной политики. Несмотря на приверженность марксистской традиции, Альтюссер отрицает традиционный теоретический постулат марксизма, представляющий государство как репрессивный государственный аппарат [1].

Размышляя над механикой государственного аппарата, Альтюссер, фактически создает некие новые социально-философские основания анализа политики, утверждая, что «необходимо учитывать не только различие *государственной власти* и *государственного аппарата*, но и другую реальность, касающуюся непосредственно (репрессивного) государственного аппарата, но не смешивающуюся с ним» [1]. Эту реальность он предлагает называть идеологическими аппаратами государства.

Их следует отличать от репрессивного государственного аппарата. Репрессивный аппарат включает правительство, администрацию, армию, полицию, суды, тюрьмы [1], а само слово «репрессивный» указывает на то, что «этот государственный аппарат “функционирует с применением насилия” или, по крайней мере, на грани насилия». А идеологические аппараты государства есть «некоторое количество таких реальных явлений, которые предстают непосредственному наблюдателю в форме различных специализированных общественных институтов» [1]. Их Альтюссер предлагает описать не посредством той или иной теоретической описательной универсальности, а в виде «эмпирического списка», что само собой подразумевает относительную гибкость такого описания, как минимум – потенциально расширяемые границы такого перечня.

Альтюссер в своих работах нередко критиковал несхожесть теоретических установок и практической реальности в работах классиков

марксистской школы. Подобную же критическую позицию он занимает сам же и по отношению к своей работе, что позволяет обнаружить некий теоретический зазор, который и становится в дальнейшем основанием для различения *идеологического* и *репрессивного* в отношении политики гендера. «В то время, как существует некий (репрессивный) государственный аппарат, существуют и множество идеологических аппаратов государства [далее – «ИАГ». – *Е.О.*]. Но, даже если мы знаем, что они существуют, единство множественности этих ИАГ не так легко является глазу <...> – Но вместе с тем Альтюссер отмечает и следующее, – Можно констатировать, что если унифицированный (репрессивный) государственный аппарат целиком принадлежит общественной сфере, то значительная часть ИАГ (в своем очевидном рассредоточении), наоборот, относится к сфере частной. К этой сфере принадлежат церкви, партии, профсоюзы, семьи, некоторые школы, большинство газет, предприятий культуры и так далее» [1].

По Альтюссеру, фундаментальное отличие идеологичности от репрессивности состоит в том, что репрессивный аппарат функционирует с применением насилия (не обязательно физического), а идеологические аппараты – с применением идеологии. Углубляя это различие, автор делает важную оговорку, замечая, что всякий государственный аппарат – и репрессивный, и идеологический, функционирует и с применением насилия, и с применением идеологии. Подобные аналитические разделения, всегда усиливаемые, в теоретических текстах, характеризуются несоответствием положению дел *in actu*, однако Альтюссер пытается восстановить некое соответствие реальности и указывает, что принципиальный характер будет иметь «очередность» обращения к тому или иному аспекту функционирования.

Репрессивный аппарат функционирует *в первую очередь* репрессивным образом, а уже после – идеологически. (Пример Альтюссера: «армия и полиция функционируют в том числе и с применением идеологии, чтобы обеспечивать собственную сплоченность и воспроизводство, а также нести свои “ценности”

вовне» [1]). И наоборот – идеологически-ориентированная политика вполне может быть склонна к (репрессивному) насилию, однако она будет по возможности пытаться отвечать на вызовы меняющегося общества в первую очередь «идеологично».

В отношении политики гендера, представляющей себя традиционно как политику различий, градус репрессивности крайне высок, он обеспечивает возможности эффективного решения любых проблем, связанных с социальными отклонениями (при этом они понимаются исключительно как конфликтные) путем иерархизирующего насилия. Интересно, что, «революционно» перехватывая политическую инициативу, гендерные активисты полностью перенимают логику репрессивного воздействия на социальную реальность, *интерпеллятивно маркируя политических оппонентов, и выстраивая новые иерархии*. Особенность таких иерархий – в их обязательности некоторой первичности в политических отношениях.

Жесткая репрессирующая фиксированность, которая осуществляет гендерные различия, подразумевает не только наличие «центричности» или «первенства» властвующего субъекта, но и непринятие аномалий. Репрессивность в отношении гендерной девиации выступает как неготовность к дальнейшему взаимодействию с феноменами контингентного характера. Идеологичность же, функционирует в состоянии постоянной готовности: с осознанием того, что индивид может превращаться лишь в контингентного субъекта (в той или иной мере), она предусматривает разнообразные возможности для дальнейшего взаимодействия с ним, посредством уже подобранных наборов различий, которые характеризуются в этом случае многообразием и некоторой подвижностью собственных границ. По определению Е.Н. Ивахненко, в данной ситуации субъект, с одной стороны, подпадает под воздействие принудительных эпистем власти, с другой – сохраняет шансы «оказаться не там, не в той (назначенной ему) роли и не в том положении – оказаться вне предустановленных для него смысловых

значений, которые ему предписаны в рамках причинно-следственных речевых установок направленного действия» [7, с. 128-129].

Продолжая логику возврата теоретического рассмотрения к ситуации *in actu*, следует признать, что интерпеллятивное окливание не всегда репрессивно (более того, в случае гендерных отношений, как замечает Джудит Батлер, субъект всегда имеет возможность отказаться от такого оклика или оспорить его [11]), ведь именно отдельный оклик и есть отдельная «идеологическая ячейка». Хотя гендерная проблематика в чистом виде и не интересовала Альтюссера, он мимоходом отмечает следующее: «До своего рождения ребенок – это всегда-уже субъект, предписанный бытию особой семейной идеологической конфигурации, в которой его “ждали” после того, как он был зачат. Стоит ли говорить о том, что эта семейная идеологическая конфигурация структурирована в своем целом и что именно в этой неумолимой и более или менее “патологической” (если можно употребить тут этот термин) структуре упомянутый будущий-субъект должен “найти” “свое” место, то есть “стать” тем сексуальным субъектом (мальчиком или девочкой), которым он уже заранее является» [1]. Вместе с тем, репрессивность дальнейшего определения будет определяться не свободой в отношении «гендерного выбора», а осознанием первичности и множественности неких окликающих властных субъектов. Децентрация таких инициатив будет не репрессивной, идеологическая вербовка «плюрально» и в силу этого обеспечивает полиморфизм гендерных отношений при условии распределения неких первичных гендерно-интерпеллятивных ролей не в этажной (общественной), а в ячеистой системе взаимодействий, расширяющей сферу частного.

Список литературы

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения: 12.01.2013).

2. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 400 с.
4. Деррида Ж. О грамматики. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
5. Долар М. По ту сторону интерпелляции // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 5 (85). – С. 33–54.
6. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. – СПб.: Алетейя, 2007. – 312 с.
7. Ивахненко Е.Н. Российский университет перед лицом принудительных эпистем неоглобализма // Высшее образование в России. Научно-педагогический журнал Мин. образ. РФ. – 2008. – №2. – С. 122-129.
8. Карелин В.М. «Нарекаю этот корабль именем "Товарищ Сталин"» (некоторые замечания о политической прагматике перформативных высказываний) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 15. С. 39–50.
9. Клоссовски П. Сад и революция // Маркиз де Сад и XX век. – М.: РИК Культура, 1992. – С. 25–46.
10. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Избранное. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 13–135.
11. Butler J. The Psychic Life of Power. Theories in Subjection. Stanford: Stanford University Press, 1997. 218 p.
12. Lakoff R. Language and Woman's Place // Language in Society. – Vol. 2. – No. 1 (Apr., 1973). – P. 45–80.

References

1. Al'tyusser L. Neprikosnovennyu zapas [Survival kit], no 5 (2011). <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (accessed January 12, 2010).

2. Bodriyyar Zh. Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury [Society of consumption: it's myths and structures]. Moscow: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. 269 p.
3. Gusserl' E. Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya [Crisis of european sciences and transcendental phenomenology]. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2004. 400 p.
4. Derrida Zh. O grammatologie [On grammatology]. Moscow: Ad Marginem, 2000. 512 p.
5. Dolar M. Neprikosnovenny zapas [Survival kit], no 5 (2015): 33–54.
6. Zherebkina I. Sub"ektivnost' i gender: gendernaya teoriya sub"ekta v sovremennoy filosofskoy antropologii [Subjectivity and gender: gender theory of subject in modern philosophical anthropology]. Saint Petersburg: Aleteyya, 2007. 312 p.
7. Ivakhnenko E.N. Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], no 2 (2008): 122-129.
8. Karelin V.M. Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Russian state university for the humanities], no 15 (2011): 39–50.
9. Klossovski P. Sad i revolyutsiya [De Sade and revolution] in: Markiz de Sad i XX vek. Moscow: RIK Kul'tura, 1992. pp. 25–46.
10. Ostin Dzh. Kak sovershat' deystviya pri pomoshchi slov? [How to do things with words] in: Ostin Dzh. Izbrannoe. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi, 1999. pp. 13–135.
11. Butler J. The Psychic Life of Power. Theories in Subjection. Stanford: Stanford University Press, 1997. 218 p.
12. Lakoff R. Language in Society, no. 1 (1973): 45–80.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Обухова Елена Николаевна, соискатель кафедры социальной философии

Российского государственного гуманитарного университета

Российский государственный гуманитарный университет

Миусская пл., д. 6, ГСП-3, г. Москва, 125993, Россия.

rsuh@rsuh.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 7340-8055

DATA ABOUT THE AUTHOR

Obukhova Elena Nikolaevna, Applicant for a candidate degree of social philosophy

department of the Russian State University for the Humanities

Russian State University for the Humanities

6, Miusskaya Pl., GSP-3, Moscow, 125993, Russia

rsuh@rsuh.ru

Рецензент:

Карелин В.М., старший преподаватель, кандидат философских наук,

Российский государственный гуманитарный университет